

Читайте в серии «Клан грешников»

ТИХИЕ КЛЯТВЫ

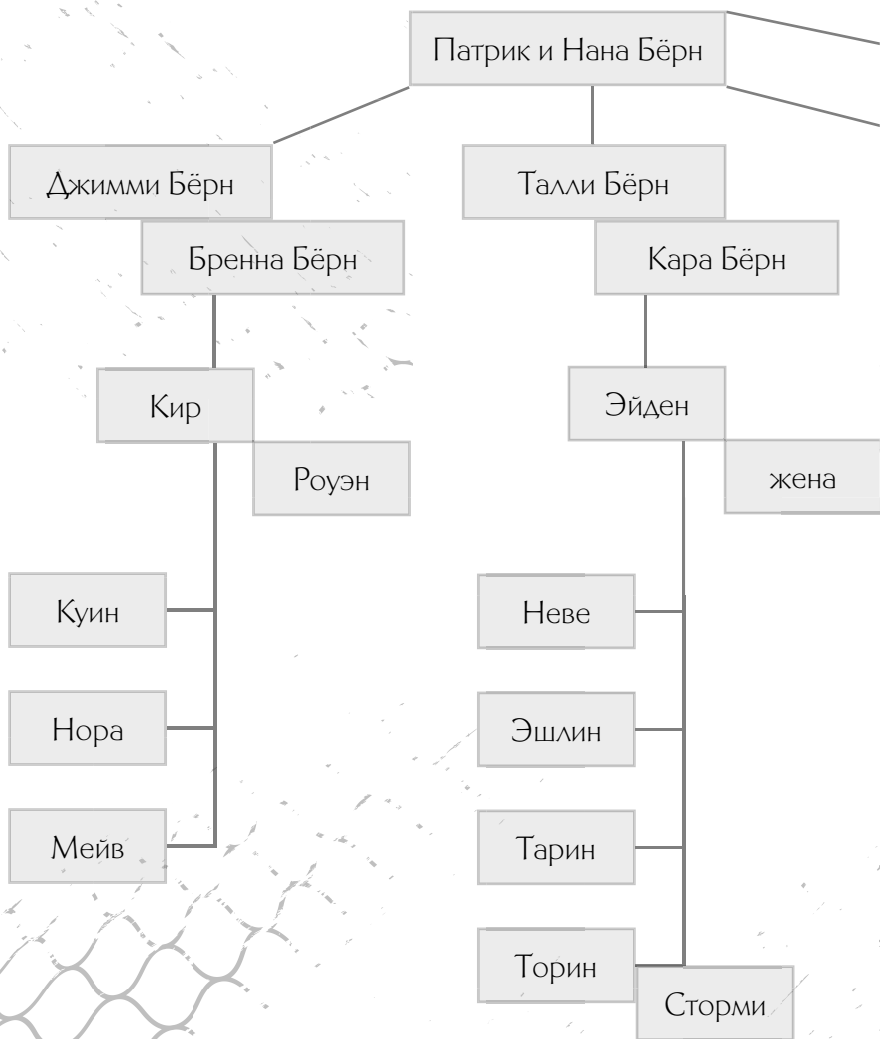
Джилл Рамсовер

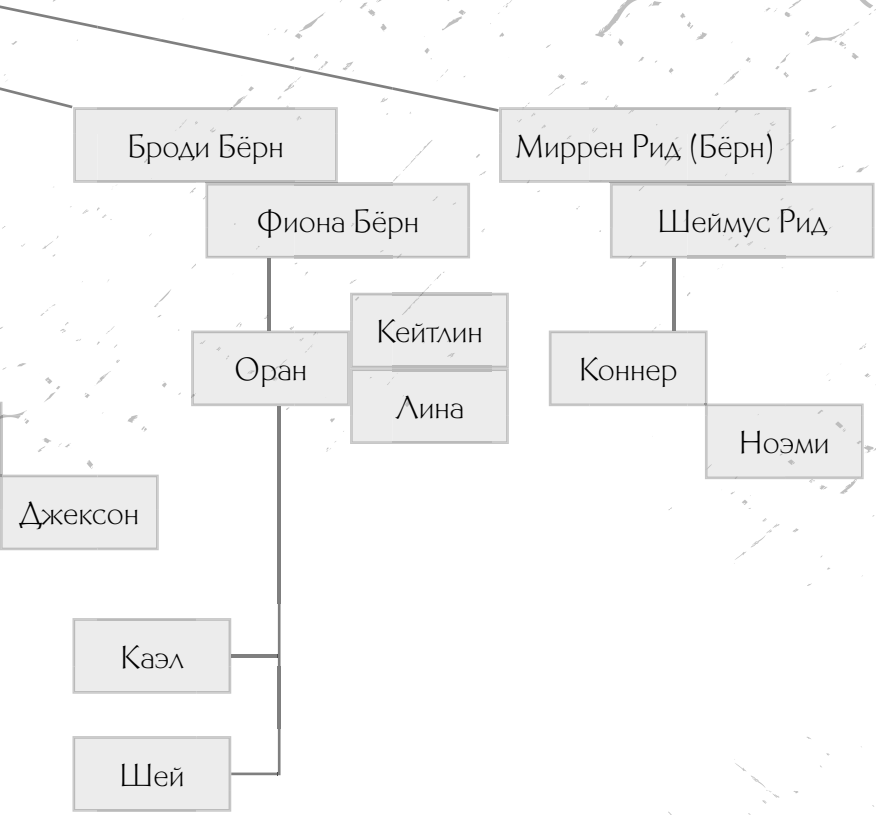
ТИХИЕ КЛЯТВЫ

Москва

Семейное древо семьи Бёрн

Партнеры:

ГЛАВА 1

Нюми

Некоторые события настолько переворачивают мир человека с ног на голову, что могут лишить его дара речи.

Полгода назад, когда мой отец убил мою мать, слова словно испарились. Ничто из того, что я могла сказать, не помогло бы мне осознать случившееся или защититься от опасности, поэтому пришлось выбрать молчание.

За последние полгода я ни с кем не перекинулась ни единым словом.

Ни с братом, ни с лучшей подругой. Даже оставаясь в темноте наедине с собой.

Я не издала ни звука с того самого дня, как очнулась в больнице после автокатастрофы, унесшей жизнь моей матери. Сначала состояние шока мешало осознать произошедшее и понять всю тяжесть утраты — мои мать и отец исчезли в мгновение ока.

Может быть, его и не было в той машине, но для меня он все равно был мертв.

Он организовал аварию, лишив меня самого дорогого. Моей матери. Моего сердца. Без нее в моей душе образовалась зияющая дыра.

Несмотря на мое сокрушительное горе, во мне кипели страх и ярость. Все это было направлено на одного чело-

века — того самого, кто должен был стать моим источником утешения и убежищем. Я так злилась на отца, что боялась собственных слов: вдруг в них прозвучит обвинение и он поймет, что мне известна правда.

Поэтому молчание стало единственным выходом.

Синяки на шее от ремня безопасности и предположения врачей о возможной травме послужили мне прекрасным оправданием. Мой отец был только рад принять мою немоту и увез обратно домой, в жизнь, которую я больше не узнавала. Жизнь под замком.

Дни сменялись неделями, недели — месяцами.

Единственной передышкой от отцовского дома была короткая утренняя вылазка за кофе — под присмотром, разумеется. Умберто, приставленный ко мне головорез, после первых двух месяцев моих ежедневных прогулок перестал заходить внутрь кофейни. Он ждал снаружи, уткнувшись в телефон, пока я сидела за столиком, завтракала и размышляла о том, как вырваться из когтей мафиозной жизни, которую теперь ненавидела.

Я давно бы сбежала, если бы все было так просто. Проблема заключалась в моем младшем брате. Я не могла оставить его, а уговорить уйти вместе было почти невозможно. Он боготворил отца. Всегда боготворил. Даже если бы нам позволили остаться наедине, убедить Санте было бы непосильной задачей. Эта проблема мучила меня каждый день. Я выжидала подходящего случая, но полгода под постоянным присмотром только усилили беспокойство: казалось, такая возможность никогда не наступит.

— Привет, Ноэми. Как обычно? — Любезный пожилой джентльмен за стойкой помахал мне рукой, когда я вошла.

Несмотря на отсутствие голоса, утренняя смена в этом кафе знала меня по имени. Достаточно было одного письменного объяснения причины моего молчания, и это принесло огромное облегчение. Они отнеслись с пониманием и вели весь разговор за меня.

Улыбнувшись и кивнув, я расплатилась, выбрала столик как можно дальше от двери и достала книгу. Мой телефон прослушивался, поэтому я редко им пользовалась, даже чтобы развеять скуку. Раньше чтение не имело для меня особого значения, но в последнее время это стало моим любимым способом отвлечься. Я прочитала всего несколько страниц, когда за моей спиной раздался мужской голос:

— Не стоит придерживаться настолько очевидного расписания. Неужели тебе никто об этом не говорил?

Я не видела мужчину, но знала, что эти слова адресованы мне. Замечание должно было меня насторожить, но этот глубокий голос так соблазнительно коснулся затылка, что я застыла.

Я медленно обернулась, чтобы взглянуть на мужчину позади, и едва не забыла как дышать, когда мой взгляд столкнулся с самой красочной лазурью, которую мне доводилось видеть. Глубокий синий цвет, настолько яркий, что гипнотизировал, как те странные рыбы из морских глубин, что светят яркими огнями, отвлекая добычу, прежде чем проглотить ее целиком. Даже густая тень от его широких бровей не могла приглушить насыщенность цвета.

Прошло целых двадцать секунд, прежде чем смысл сказанных слов пронзил мое оцепенение, вернув меня к здравому смыслу.

Откуда он знает о моем распорядке?

Я бы точно запомнила, если бы этот мужчина был постоянным посетителем этой кофейни. Даже без своих заволаживающих глаз он был не из тех, кого можно забыть. Окутанный атмосферой власти и привилегий, он своим присутствием требовал внимания и уважения. Возможно, даже страха. Это было заметно по угловатому очертанию челюсти и властной манере держаться. Красивый хищник, следящий за мной. Но зачем? Как долго? И как так получилось, что я ни разу его не заметила?

Сбитая с толку, я отвернулась, решив просто проигнорировать незнакомца.

— А может, ты не такая уж и предсказуемая.

Мой взгляд зацепился за страницу. Нужно было догадаться: человек вроде него не примет отказа.

— Кажется, что все книги, которые я видел в женских руках, были любовными романами, вселяющими в их головы несбыточные ожидания о какой-то идеальной сказочной жизни. Но ты же не это читаешь, верно?

Моя книга была об убийстве. Детектив, который помогал отвлечься и не заикливаться на проблемах. Я любила романы, как и любая женщина, но мне нужно было что-то более мрачное и захватывающее. Что-то более похожее на мою жизнь.

Не зная, что еще придумать, я достала блокнот и собиралась написать объяснение моего молчания, надеясь положить конец нашей встрече. Но вместо этого пальцы вывели совсем другое.

Вы действительно считаете, что невозможно ждать от мужчины порядочности?

Я не могла поверить, что позволила втянуть себя в разговор, даже когда протянула незнакомцу блокнот.

Казалось, он должен был прийти в замешательство от способа моего ответа, но вместо этого его губы растянулись в хищной улыбке.

— Невозможно ожидать порядочности от кого бы то ни было, будь то мужчина или женщина. По моему опыту, мы не так уж сильно отличаемся от наших доисторических предков, как нам хотелось бы думать.

Я приподняла бровь и нацарапала ответ.

Говори за себя.

Я не смогла сдержаться. Что-то в нем пошатнуло мою выдержку после месяцев безупречного самоконтроля.

Бирюзовые искорки в глазах мужчины потускнели.

— Поверь, я о себе говорю. Во мне нет абсолютно ничего цивилизованного.

Его слова меня потрясли. Он поднялся, и я решила, что незнакомец уходит, но вместо этого тот подошел к стойке, чтобы забрать мой кофе и бейгл¹. Меня так увлек наш разговор, что я даже не услышала, как бариста назвал мое имя.

Незнакомец поставил мой заказ на столик, провел большим пальцем по своим идеальным губам и слизал каплю сливочного сыра, в то время как его кобальтовый взгляд пригвоздил меня к месту.

— Приятного аппетита, — прошептал он, прежде чем удалиться.

Я была совершенно ошарашена одной из самых странных встреч в моей жизни. Помимо необычной темы нашего

¹ Булочка, похожая на бублик, из дрожжевого теста с плотной текстурой.

разговора, мужчину ничуть не смутило мое молчание. Как будто он уже знал. Но как?

Я вдруг пожалела, что не спросила его имя. Мой взгляд последовал за синеглазым, когда он вышел из кафе, а затем снова появился за витриной. В мгновение ока Умберто оказался лицом к лицу с этим мужчиной, уставившись на него с яростью разъяренного носорога.

Значит, Умберто видел, что мы разговаривали? Нет, иначе он бы ворвался внутрь и сразу сцепился с моим собеседником. Тогда отчего такая злость? Приставленный ко мне надзиратель отвлекся, и я была уверена, что это лишь усилило его раздражение, но все равно такая агрессия казалась необычной.

Мое тело напряглось, наблюдая за противостоянием двух мужчин. Умберто был горой мышц, но незнакомец не выглядел обеспокоенным, будто защищаться от разъяренных головорезов было для него обычным делом. Синеглазый был воплощением хладнокровного безразличия, что, казалось, еще больше выводило Умберто из себя.

Сторожевой пес моего отца презрительно усмехнулся, когда незнакомец что-то ему сказал. Тот поднял руку, собираясь ткнуть его в грудь, но, прежде чем успел дотронуться, появившийся словно из ниоткуда кулак синеглазого нанес серию таких яростных и молниеносных ударов, что Умберто рухнул свинцовым грузом на землю. Он даже ничего не успел сделать.

Незнакомец плюнул на своего лежащего без сознания противника и тут же вернул безмятежный вид, как будто последних десяти секунд и не бывало. Уверенно рукой он пригладил свои черные волнистые волосы, повернулся и,

пронзив меня взглядом, от которого перехватывало дыхание, исчез в уличном потоке.

Как будто мне нужна была еще одна причина ненавидеть мафиозную жизнь, в которой пришлось родиться.

Безжалостная амбициозность и жестокое презрение к любому, кто встанет у них на пути, были врожденными чертами мафии. Я не знала, кем был этот незнакомец, но он ничем не лучше остальных. Может, даже хуже.

Во мне нет абсолютно ничего цивилизованного.

Я вздрогнула, вспомнив его слова, и поспешно вышла проверить, как там мой несчастный телохранитель. Умберто лежал без сознания на тротуаре Нью-Йорка. Впервые за шесть месяцев у меня появилась редкая возможность ускользнуть и раствориться в городе. Я могла бы сбежать. Поехать к кузине и рассказать ей все.

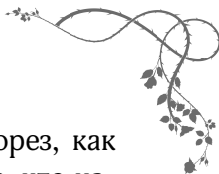
А как же Санте? Что будет с ним?

Останется один. Брошенный. Я не могла так поступить. Не стоило даже пытаться делать вид, что бегство без него имело бы смысл.

Глубоко вздохнув, я присела и похлопала Умберто по щеке, потом встряхнула несколько раз, пока он не очнулся, бормоча проклятия.

— Чертов цыган. Куда он, мать твою, делся? — Головорез обвел взглядом улицу.

Я проигнорировала этот вопрос и помогла своему телохранителю подняться. Умберто вытер окровавленный нос рукавом, а мне пришлось оставить свой завтрак нетронутым и, собрав вещи, попытаться выйти, игнорируя любопытные взгляды посетителей, ведь я была не единственной, кто наблюдал эту сцену.

— Идем на хрен отсюда, — проворчал головорез, как только я вышла на улицу. Его голос звучал гнусаво, что навредило на мысль, не сломан ли у него нос. Впрочем, это было не моей заботой. Будучи одним из приспешников моего отца, Умберто наверняка заслуживал гораздо худшего.

Я последовала за ним к машине, все еще думая о таинственном незнакомце и сожалея, что меня лишили утреннего кофе. Но, по крайней мере, утро уж точно выдалось нескучным.

* * *

— Господи, Берто, — выпалил мой брат, когда мы вернулись домой. — Что, черт возьми, с тобой случилось?

Санте быстро окинул меня взглядом, чтобы убедиться, что я цела и невредима, прежде чем снова обратить внимание на моего окровавленного телохранителя.

Умберто только хмыкнул и направился в сторону ванной. Я достала блокнот и кратко пояснила брату ситуацию.

Просто небольшая потасовка на улице.

Санте покачал головой.

— Этот тип никогда не умел отступить. Такой вспыльчивый.

Я улыбнулась, ведь меня забавляло, что брат мнит себя более взрослым, чем был на самом деле. В свои семнадцать он был далек от логики и здравых решений. На самом деле, со дня смерти нашей матери его нестабильные подростковые эмоции взяли верх. Мне было невыносимо наблюдать за происходящими в нем переменами: Санте всегда был милым, но пережитые трудности укрепили его стремление пойти по стопам отца в мафии. Он видел силу и престиж, но был слеп к грязи и жестокости, что шли в придачу.

Мафия превращала людей в монстров, вытравливала в них все человеческое, оставляя уродливые, искалеченные души. Мысль о том, что Санте может стать одним из них, была для меня худшим кошмаром. Но брат боготворил нашего отца и мафию, не желая слушать моих слов. Я бы сразу рассказала ему правду о случившемся, если бы думала, что он мне поверит. Если бы думала, что это может его спасти.

Мне хотелось помочь младшему брату, но придется найти другой путь. Пока что прогресс был весьма скромным: по крайней мере, он согласился не бросать школу.

После нескольких записок о том, что мама не пережила бы его ухода, не закончив выпускной класс, Санте неохотно согласился вернуться через месяц, после начала занятий. Это была маленькая, но все же победа. И пока я не выиграю войну, я продолжу свою тихую борьбу против влияния отца. Это было то, чего хотела бы моя мать, — то, что бы она сделала, если бы он ее не убил.

Грустно улыбнувшись Санте, я указала наверх, давая понять, что ухожу в свою комнату, и удалилась. Оставшись одна, я плюхнулась на кровать и подняла руку с книгой, которую все еще держала в руках. На твердом переплете был небольшой надрыв, но мои мысли были заняты парой завораживающих голубых глаз.

Вполне ожидаемо, что мужчина вроде него будет насмехаться над самой идеей романтики. Он, вероятно, сомневался в существовании всего, чего сам не испытывал, например сочувствия и сострадания. Такое мрачное, узкое видение мира. Если бы не искорка тепла, которую мне удалось почувствовать в его ледяном взгляде, я бы поклялась, что этот человек безнадежно оторван от человечности.

Раздавшийся стук в дверь вырвал меня из раздумий и заставил уронить книгу. На пороге стоял мой отец, Фаусто Манчини, самый влиятельный капо семьи Моретти. Долгие годы он был для меня скорее именем, чем реальной фигурой. Мама, Санте и даже наш повар были частью моей жизни больше, чем он. Когда я была маленькой, его отсутствие заставляло меня бороться с чувством покинутости и обиды. Теперь же, после шести месяцев его тиранического внимания, я благодарила Бога, что этот человек так долго игнорировал мое существование.

— Мне нужно уехать из города на пару дней. — Едкий голос заполнил комнату, словно ядовитый газ. — И я не хочу слышать, что ты хоть на шаг отступила от правил.

Его зловещее присутствие не давало мне ни дня покоя с тех пор, как я выписалась из больницы. Мысль о том, что отец будет отсутствовать целых двое суток, заставила мое сердце трепетать от предвкушения.

Должно быть, он почувствовал мою реакцию, потому что его брови угрожающе сошлись на переносице.

— Не испытывай меня, Ноэми. С теми, кто мне перечит, случаются очень плохие вещи. — Мужчина шагнул ближе. — Думаю, ты это знаешь, не так ли? — Отец изучал меня, и я попыталась выровнять дыхание, хотя от его намека мои легкие сжались. Это был первый раз, когда он прямо дал понять, что догадывается о том, что мне известна правда. Почему сейчас? Потому что уезжает и хочет убедиться, что со мной не будет никаких проблем?

— Я видел, как ты на меня смотришь, — продолжил он. — Тебе не нужно ничего говорить, чтобы я понял ход твоих мыслей. — Его темные, цвета красного дерева, глаза скользнули к рукам, и он лениво осмотрел свои ухоженные